

РЕЖИМ СЕКРЕТНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЯДЕРНОГО КОМПЛЕКСА УРАЛА (1945—1950 гг.)

В. С. Толстиков

На основе новых архивных и других материалов освещаются проблемы обеспечения режима секретности и безопасности на предприятиях ядерного комплекса в закрытых городах Урала. Анализируются основные направления и мероприятия обеспечения секретности в первоначальный период создания атомной отрасли.

Ключевые слова: атомный проект, государственная тайна, режим секретности, Спецкомитет, ядерный объект, закрытый город, бдительность.

До последнего времени малоизвестной страницей истории советского и американского атомного проекта остаются многие проблемы решения безопасности, установления и сохранения режима секретности.

Руководителями США, как им казалось в то время, удалось возвести непроницаемую стену тайны вокруг своего «Манхэттенского проекта», целью которого являлось создание сверхоружия — атомной бомбы. Непрерывные перекрестные допросы, заполнение анкет, снятие отпечатков пальцев, прислуга, завербованная агентами контрразведки, микрофоны, спрятанные в стенах служебных кабинетов и на квартирах сотрудников, строгая цензура и система пропусков — все это далеко неполный арсенал методов, используемых американскими спецслужбами.

О проводимых работах в рамках «Манхэттенского проекта» даже руководство Госдепартамента США ничего не знало вплоть до начала Ялтинской конференции (февраль 1945 г.). Не посвящен был в эти проблемы длительное время и Объединенный комитет начальников штабов американских вооруженных сил.

Одним из главных мотивов таких усилий было стремление, как писал позднее в своей книге руководитель «Манхэттенского проекта» генерал Л. Гровс «сохранить в тайне от русских... открытия и детали проекта и заводов» [4, с. 133]. В этой связи необходимо заметить, что ни фашистская Германия, ни милитаристская Япония, с которыми Америка находилась в состоянии войны, не казались уже тогда ей главными соперниками. Однако, несмотря на все предпринятые меры, США не удалось уберечь от советской разведки свои атомные секреты. До января 1945 г. американские спецслужбы даже не догадывались о размерах утечки информации по своей ядерной программе.

В Советском Союзе с самого начала создания атомной отрасли проблемы сохранения секретности и безопасности находились в центре внимания ее руководящих органов — Спецкомитета и Первого главного управления (ПГУ) при Совете Министров СССР. Основной настрой в этом отношении задавал лично И. В. Сталин, который в жесткой форме требовал от своих ближайших соратников соблюдения строжайшего режима секретности. Об этом свидетельствуют многие архивные и другие материалы.

Так, например, когда 5 апреля 1946 г. председатель Спецкомитета Л. П. Берия представил на утверждение вождю титульный список будущих атомных центров, то по его указанию он был исполнен всего в одном экземпляре и имел гриф «Совершенно секретно» [10]. Из соображений безопасности и секретности все десять предприятий по производству оружейного плутония и высокообогащенного урана, серийному выпуску ядерных боеприпасов предлагалось разместить на территории Российской Федерации, причем восемь из них на Урале и в Сибири [6, с. 84—85].

При выборе места для размещения промплощадок большое внимание уделялось вопросу их маскировки, обнаружения с воздуха. Научный руководитель советского атомного проекта академик И. В. Курчатов в письме от 14 ноября 1945 г., адресованному председателю Спецкомитета Л. П. Берии, отмечал, что следует отказаться от предложения о размещении плутониевого комбината (в настоящее время — химкомбинат «Маяк») между г. Кыштымом и рекой Уфой, так как пар огромных градирен в зимний период может демаскировать объект с воздуха. И. В. Курчатов предложил разместить промплощадку вблизи озера Кызылташ, что вызвало возражения со стороны заместителя председателя ПГУ А. П. Завенягина, считавшего, что озеро будет служить ориентиром для воздушной разведки. В конечном счете победили доводы академика, доказавшего, что «площадка расположена в озерной полосе Урала, где на незначительной площади расположено очень большое число озер тех очертаний, что и озеро Кызылташ» [1, с. 358].

В ПГУ одним из первоочередных мероприятий, направленных на обеспечение секретности, стало создание особой режимной службы, которая носила название «Второй отдел». Создавали его на основе переданного Пятого Спецотдела из НКВД СССР, ранее занимавшегося контролем над производством противогазов. [2, с. 43, 201]

Работу Второго отдела курировал заместитель начальника ПГУ генерал-лейтенант П. Я. Мешик, который был одним из организаторов создания в 1946—1953 гг. городов и поселков для работников атомной промышленности и режима проживания в них.

Для того чтобы не допустить проникновения агентов вражеских разведок, диверсантов, утечки

информации в системе Наркомата государственной безопасности СССР 15 ноября 1945 г. организовали отдел «К», на который возлагались задачи контрразведывательного обеспечения объектов ядерной отрасли [5, с. 35, 127—128].

По инициативе Спецкомитета 9 июня 1947 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, который устанавливал уголовную ответственность за разглашение любых сведений относительно атомных разработок. Все это считалось особой государственной тайной.

Сохранение режима секретности касалось всех — и рядовых работников, и высокопоставленных руководителей, невзирая на их прежние заслуги и должности. Так, 5 апреля 1948 г. Б. Г. Музруков, директор комбината № 817 (Челябинск-40) был вызван в Москву на заседание Спецкомитета для дачи объяснений о нарушении им режима секретности и установленного порядка подбора кадров для ядерных объектов. В протоколе заседания Спецкомитета отмечалось: «Музруков, будучи назначенным директором комбината № 817, перед своим отъездом в отпуск допустил легкомысленное, безответственное отношение к соблюдению секретности, выразившееся в том, что:

а) Музруков, в нарушение установленного порядка, требующего предварительной проверки кадров при подборе их на спецобъекты ПГУ, вступил в переговоры с заместителем начальника ЦЗЛ Уралмаша о переводе его на комбинат № 817 без предварительной проверки возможности допуска к работе на комбинате.

б) кроме того, Музруков обратился к этому работнику, а через него к непроверенному лицу, некоему профессору С., с просьбой подобрать литературу по химии редких элементов, в том числе по урану».

Как считали в Спецкомитете, тем самым Музруков перед случайными, непроверенными лицами рассекретил характер своей работы и характер работы комбината. Учитывая то, что Б. Г. Музруков вел переговоры с работником, допущенным к государственной тайне, в целях подбора на совместную работу, а также чистосердечное признание своей вины, ему был объявлен строгий выговор с предупреждением об уголовной ответственности в случае нарушения им правил обеспечения секретности в дальнейшем. [3, с. 682—683]

Предприятия ядерного комплекса относились к особо охраняемым, строго режимным объектам. В июле 1947 г. по указанию Специального комитета не только строящиеся ядерные объекты, но и территории будущих атомных городов, были изолированы от внешнего мира, вокруг них создали систему защитных сооружений и противовоздушной обороны.

На такие города распространялось «Положение об охране и режиме пропусков», по которому всю территорию вокруг этих населенных пунктов обнесли двумя рядами колючей проволоки, а также установили строго ограниченный круг лиц, имеющих право посещать поселения атомщиков.

Действовала строгая пропускная система. Особенно жесткой она была для персонала предприятий. Всего несколько десятков человек могли пройти во

все цеха предприятий, подавляющее же большинство атомщиков имело пропуск только на свое рабочее место. Больше того, маршрут движения к проходной завода строго регламентировался, малейшее отклонение от него приводило к серьезным административным наказаниям. За утерю пропуска объявляли строгий выговор, либо лишали премии или запрещали выезд из города в течение двух-трех месяцев.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. формально разрешение на въезд в город и выезд из города мог дать директор атомного предприятия, как старший администратор закрытой территории. Однако, фактически выдача этого разрешения зависела, например, в Челябинске-40 от генерал-лейтенанта И. М. Ткаченко, уполномоченного Правительства СССР, ответственного за состояние секретности и пропускной режим. Без его визы подпись директора на заявлении не могла быть основанием, чтобы тот или иной человек выехал с закрытой территории. Необходимые меры по соблюдению секретности часто превышали разумные пределы, доходили до абсурда. Например, чтобы разрешить выезд одной старушки из Челябинска-40, особо засекреченного города, потребовалось резолюции на заявлении Б. Л. Ванникова, руководителя ПГУ, т. е. атомного ведомства страны, Б. Г. Музрукова, директора комбината № 817 и еще И. М. Ткаченко, главного ответственного за режим.

Вплоть до середины 1950-х годов население атомных городов фактически было лишено возможности общения со своими ближайшими родственниками, коллегами, которые проживали вне этих зон. Ограничивались конституционные права жителей таких поселений на переписку, перемещения, смену места работы и прочее.

Для поддержания режима секретности частная жизнь граждан, их настроения контролировались спецслужбами, прослушивались телефонные разговоры, отслеживались темы и содержание бесед в неформальной обстановке, просматривалась личная корреспонденция. По результатам проверок принимались соответствующие меры: увольнение с предприятия, выселение из города или «профилактическая беседа» с представителями органов безопасности.

В целях предотвращения проникновения на ядерные объекты шпионов, диверсантов и других вражеских элементов, а также разглашения сведений о содержании или характере проводимых на них работах, органы госбезопасности развернули активную деятельность, установив тщательное наблюдение за всеми, кто был допущен к государственной тайне. По указанию Берии следили и подслушивали даже за Курчатковым. Этим же целям служила и цензура на входящую и исходящую корреспонденцию и перлюстрация писем, запрет полетов самолетов над районами размещения предприятий атомной промышленности.

Вокруг атомных городов были ликвидированы многие промышленные и сельскохозяйственные предприятия, учебные заведения и населенные пункты. 21 марта 1948 г. генерал-лейтенант И. М. Ткаченко, курировавший режим Челябинска-40, направил первому секретарю Челябинской обкома ВКП(б)

А. А. Белобородову официальное письмо, в котором сообщал следующее: «В целях предотвращения разглашения сведений о строительстве в Челябинской области специальных совершенно секретных объектов, требуется прекратить доступ в 25-километровую режимную зону, особенно в гг. Кыштым и Касли, посторонних лиц. Наличие в этих городах различных учебных заведений, санаториев и домов отдыха, не дают возможности осуществлять режим, установленный постановлением Правительства от 21 августа 1947 года» [7, л. 16].

Далее в этом письме предлагалось в ближайшее время перевести в другие районы области из Кыштыма и Каслей горный техникум, педагогическое училище, курсы медсестер, дом инвалидов, дом отдыха, пионерские лагеря и другие организации. Партийным и советским органам пришлось тогда приложить немало усилий для того, чтобы передислоцировать, причем за короткий срок, в другие города и районы области 18 учебных заведений и организаций.

На основании принятого Советом Министров СССР секретного постановления от 25 сентября 1948 г. были введены меры тотальной секретности на все, что прямо или косвенно относилось к объектам ядерно-оружейного комплекса. В соответствии с ними переименовали все предприятия и организации в поселениях атомщиков, заменили многие термины, если их содержание отражало хоть в какой-то мере производство или технологию ядерных материалов в секретной переписке между самими предприятиями. Например, в отчетах и переписке с научно-исследовательскими и проектными организациями уран-238 требовалось называть «кремнилом», плутоний-239 — «аметилом», радий — «воприлло», тритий — «триаксаном». В отдельных случаях, когда применение условных наименований могло привести к неточности, в научных отчетах, технических условиях, специальных записках, содержащих описание сложных процессов и реакций, точные наименования вместо условных могли быть вписаны от руки должностным лицам, подписавшим документ.

Архивные материалы атомных предприятий содержат большое количество условных терминов, действительный смысл которых сегодня понять можно с большим трудом. Вместо термина «цепная реакция» писали «окисление», вместо «радиоактивное излучение» — «окуривание», вместо «вредные излучения» — «отходящие газы». Подлежали зашифровке даже медицинские диагнозы: поэтому вместо «лучевая болезнь» писали «вегетативно-сосудистая дистония второй степени».

Важнейшим условием обеспечения безопасности работы атомных предприятий, соблюдения режима секретности являлось воспитание бдительности у населения закрытых поселений Урала. Все эти вопросы являлись предметом внимания не только органов безопасности, но и руководителей всех рангов, а также политических отделов. На партийных и комсомольских собраниях всех объектов ядерного комплекса периодически обсуждались вопросы повышения политической бдительности, соблюдения режима секретности.

В целом для психологического климата закрытых городов в первые годы их существования была характерна напряженность, боязнь сказать «что-то лишнее». Атмосфера секретности, строгие режимные ограничения формировали у населения особый стиль общения, манеры поведения.

Считалось опасным даже ведение обычных дневников, записных книжек. 2 июля 1948 г. органами МВД был изъят на работе личный блокнот с записями у инженера Н. В. Ерошкина. На основании первой статьи Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. его арестовали и предъявили обвинение за нарушение государственной тайны. Несмотря на то, что в ходе предварительного следствия, которое велось свыше трех месяцев и при судебном расследовании, предъявленные Ерошкину обвинения не подтвердились, он был осужден на один год исправительно-трудовых работ с удержанием 20% заработной платы. Решением партийной комиссии политотдела его исключили из членов ВКП(б) [8, л. 16]. Прошло время и выяснилось, что записки, которые делал Ерошкин не имели отношения к его работе, не содержали никаких сведений секретного характера.

В начальный период строительства предприятий атомной отрасли, жилпоселков люди, еще не привыкшие к выполнению режимных требований, часто проявляли халатность. Допускали в разговорах и переписке обсуждение отдельных деталей о сооружении и назначении объектов. Имелись случаи, когда секретные документы просто выбрасывались в мусорные ящики, так как не всегда велся их учет, или передавались они от одного работника к другому без расписки. Основной причиной являлось то, что сотрудники просто не были обучены правилам обращения с секретными документами, не проходили инструктажа о важности работы по сохранности государственных секретов.

Жителям закрытых городов и особенно работникам ядерных объектов категорически запрещалось устанавливать какие-либо контакты, связь со спецпереселенцами, заключенными. За нарушение этих правил следовали наказания по административной и партийной линии. Архивные документы свидетельствуют о том, что таких случаев было немало. В июле 1949 г. была исключена из членов ВКП(б) Л. П. Мерзина, работавшая кассиром в санпропускнике бани в жилом поселке. Оставшись после смерти мужа с двумя детьми и испытывая материальные трудности, она вышла замуж за немца-спецпереселенца. В партийной организации ей рекомендовали «о необходимости порвать незаконный брак с ним». Но так как Л. П. Мерзина отказалась это сделать, ее исключили из членов партии со следующей формулировкой: «... за моральную неустойчивость и притупление классово-бдительности» [9, л. 12].

Следует отметить, что в целом режимные ограничения, секретность не вызывали устойчивых негативных реакций у жителей атомных городов. Как правило, отрицательные эмоции проявлялись лишь на начальных этапах проживания у тех или иных людей в закрытых поселениях, но их нельзя назвать длительными и сильными. Население по-

степенно привыкало, приспособлялось к строгому режиму, у него вырабатывались соответствующие обстановке стереотипы и нормы поведения.

Охрана секретности и безопасности ядерных объектов обеспечивались не только за счет строгости режимных условий, но и благодаря высокой и сознательной дисциплине подавляющего большинства руководителей, специалистов и рядовых работников. Сформированные у них чувства долга, высокой ответственности за дело огромной важности по укреплению обороноспособности страны, самопожертвования и патриотизма способствовали в короткие сроки освоить и усовершенствовать уникальное, крайне сложное производство ядерных материалов.

Несмотря на все издержки, режим секретности, заложенный еще на первоначальной стадии реализации атомного проекта, не допустил утечки информации, позволил решить главную стратегическую задачу — создать ядерное оружие. Успешное испытание атомной бомбы в сентябре 1949 г. стало полной неожиданностью для главного в то время потенциального противника — Соединенных Штатов Америки.

Ряд исследователей не без оснований считают, что, возможно, и планы нанесения ядерных ударов по российским городам (и в первую очередь атомным)

не были осуществлены, так как в США слишком поздно узнали об атомных разработках в СССР.

Литература и источники

1. *Атомный проект СССР: документы и материалы. Атомный проект СССР: Документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Атомная бомба. 1945—1954 г. — Т. 2. — Кн. 1. — Саров : РФЯЦ — ВНИИЭФ, 2000.*

2. *Атомный проект СССР: документы и материалы. Атомный проект СССР: Документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Атомная бомба. 1945—1954 г. — Т. 2. — Кн. 2. — Саров : РФЯЦ — ВНИИЭФ, 2000.*

3. *Атомный проект СССР: документы и материалы. Атомный проект СССР: Документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Атомная бомба. 1945—1954 г. — Т. 2. — Кн. 3. — Саров : РФЯЦ — ВНИИЭФ, 2000.*

4. Гровс, Л. *Теперь об этом рассказать* / Л. Гровс. — М. : Атомиздат, 1964.

5. Кокушин, А. И. *Лубянка ВЧК — КГБ. 1917—1960 : справочник* / А. И. Кокушин, Н. В. Петров. — М., 1997.

6. Новоселов, В. Н. *Тайны «Сороковки»* / В. Н. Новоселов, В. С. Толстиков. — Екатеринбург : Уральский рабочий, 1995.

7. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 3.

8. ОГАЧО. Ф. 228. Оп. 42. Д. 31.

9. ОГАЧО. Ф. 228. Оп. 42. Д. 32.

10. Руденко, М. *Штрихи к прошлому* / М. Руденко // *Деловой мир*. — 1996.

Поступила в редакцию 21 августа 2015 г.

ТОЛСТИКОВ Виталий Семенович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Челябинская академия культуры и искусств, г. Челябинск, Российская федерация. E-mail: kaf-ist@chgaki.ru

*Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2015, vol. 15, no. 4, pp. 43—46*

DOI: 10.14529/hum150407

SECURITY MODE AT THE URALS NUCLEUR COMPLEX ENTERPRISES IN 1945—1950

*V. S. Tolstikov, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, Chelyabinsk,
Russian Federation, kaf-ist@chgaki.ru*

Using new archive and other documents the author studies the problems of confidence conditions and security in nuclear complex enterprises in the closed towns of the Urals. He also analyses general directions and activities in security provision during the initial period of the atomic industry branch creation.

Keywords: atomic project, state secret, security mode, Special Committee, nuclear body, closed town, vigilance.

References

1. Atomnyy proyekt SSSR: Dokumenty i materialy. T. 2. Atomnaya bomba. 1945-1954. Kn. 1. [USSR atomic project: documents and materials. Vol. 2. Atomic bomb. 1945-1954. Book 1.]

2. Atomnyy proyekt SSSR: Dokumenty i materialy. T. 2. [USSR atomic project. Documents and materials. Vol.2. Book 2.]

3. Atomnyy proyekt SSSR: Dokumenty i materialy. T. 2. Kn. 3. [USSR atomic project. Documents and materials. Vol. 2. Book 3.]

4. Grovs L. Teper ob etom rasskazat [Grovs L. Now I can tell you about it]. — M.: Atomizdat.

5. Kokushin A. I., Petrov N. V. Lubyanka VChK-KGB. 1917-1960. [Lubyanka VChK-KGB] Spravochnik. M., 1997.

6. Novosyolov V. N., Tolstikov V. S. Tayny "Sorokovki" [Mysteries of "Sorokovka". — Ekaterinburg: IPP "Uralsky rabochy". 1995.

7. Obyedinyonny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United state archives of the Chelyabinsk region (OGACHO)]. F. 288. Inv.list. 42. File. 3.

8. OGACHO [United state archives of the Chelyabinsk region (OGACHO)]. F. 288. Inv.list. 42. File. 31.

9. OGACHO [United state archives of the Chelyabinsk region (OGACHO)]. F. 288. Inv.list. 42. File. 32.

10. Rudenko M. Shtrichi k proshlomu // Delovoy mir. 1996. [Rudenko M. Sketches to the past // Delovoy mir, 1996].

Received August 21, 2015